

Глава 15. Он тебя пожрёт

— Младший брат, я больше не могу остановиться.

У Цзян Жуцзина была старшая сестра по школе, хотя и из другой ветви — Чжань Цяньцзе.

Она была младшей дочерью главы школы Тяньюань, даоса Чжань Юэ, и наследницей ветви артефакторов. Одарённая редким талантом, прекрасная, как распускающийся лотос, и чистая душой, она была любимицей всей школы — сокровищем, которое каждый адепт оберегал и лелеял.

Но даже такое совершенное создание не миновало своего рокового испытания. В те времена демонические врата вновь распахнулись, и между праведным путём и демонами вспыхнула война, унёсшая бессчётное множество жизней. Вражда была столь лютой, что стоило противникам встретиться, как в ход сразу шли смертельные приёмы. Сегодня ты устраиваешь засаду, завтра я собираю людей для ответной облавы. Со временем даже великие мастера перестали выходить за порог в одиночку.

Чжань Цяньцзе встретила того демонического практика после очередной великой битвы. Она была тяжело ранена и попала в плен к одной из тёмных сект. Среди врагов нашёлся подлец, решивший обесчестить её, но за девушку заступился некий демон. Он хотел было сразу оборвать её жизнь, чтобы сохранить её честь, но внезапно вмешался другой человек — праведный заклинатель, тайно внедрившийся в эту секту.

Когда Цзян Жуцзин наконец выследил их, этот тайный агент, спотыкаясь и пошатываясь, тащил Чжань Цяньцзе на спине. Оба были залиты кровью, и жизнь в них теплилась лишь на волоске.

Увидев Цзян Жуцзина и узнав в нём знаменитого меченосца, заклинатель облегчённо улыбнулся сквозь корку грязи и крови на лице. Он рухнул на землю, но даже в падении уберёт Чжань Цяньцзе, чтобы она не ударилась о камни. Дрожа, он достал Фонарь желаний, прошептал что-то и, насильно вытолкнув свою Зарождающуюся душу из тела, прыгнул прямо в пламя фитиля, став для него топливом. Свет фонаря разлился вокруг, окутал тело заклинателя и втянул его внутрь.

На глазах изумлённого Цзян Жуцзина Чжань Цяньцзе чудесным образом исцелилась и пришла в себя. Радость Жуцзина была безмерной, но следующая же фраза сестры лишила его дара речи.

Прекрасная заклинательница в синих одеждах кротко улыбнулась — её лицо казалось более живым и одухотворённым, чем когда-либо прежде.

— Младший брат, я... кажется, я влюбилась.

Она сказала, что полюбила того демона. Цзян Жудзин не успел осознать, как это чувство могло вспыхнуть так внезапно, как мир снова захлестнула война.

Наверное, люди, впавшие в безумство любви, сами становятся подобны демонам.

Полюбить его, преследовать его, поймать его, пленить и сделать своим.

Ей хотелось большего, всегда большего...

Ей было мало, никогда не было достаточно.

«Я хочу... чтобы он перестал быть таким холодным со мной».

«Я хочу, чтобы он полюбил меня хоть немного, совсем чуть-чуть!»

«Я хочу, чтобы его взгляд задерживался на мне дольше!»

«Я хочу, чтобы он покинул путь демонов и стал учеником нашей школы Тяньюань».

«Я хочу, чтобы ради меня он расторг помолвку с той женщиной!»

«Я хочу, чтобы он полюбил меня! Всем сердцем, до конца! Чтобы, кроме меня, в его глазах не существовало никого!»

«Я хочу, чтобы он помог нам взломать защитный массив секты Моинь. Он был их старшим учеником, он обязан знать слабое место».

«Как он мог? Как он мог рассердиться на меня?! Фонарь! Сделай так, чтобы он не злился! Он ведь так любит меня, как он смеет говорить о расставании?!»

«Почему всё стало так? Неужели мои желания причиняют ему боль?.. Хорошо, я... я отпущу его...»

«Последнее... это моё последнее желание. Пусть он ещё раз отнесёт меня на спине. Так же, как тогда, когда он спас меня из секты Моинь... Как он нёс меня через горы и реки, укрывая от погони... Я была в полузабытьи, но мне было так тепло, так спокойно...»

«Мм? Одной руки мало? Но у меня уже не осталось половины уха, ног, пальцев... Ладно, неважно. У меня ещё есть божественное чувство, забирай и второй глаз!»

«Почему?! Почему всё ещё мало?! Почему этого недостаточно?! Я всего лишь хочу в последний раз пережить то мгновение счастья! Почему такое маленькое желание не может исполниться?! Крови мало? Хорошо! Я дам больше! Всё ещё мало? Плоти мало? Забирай! Я срежу ещё!.. Почему... что у меня осталось? Дайте подумать! Дайте же мне подумать!!.. Ах, верно. Мой золотой Дань...»

Когда Цзян Жуцзин наконец нашёл её в глубокой тёмной пещере, Чжань Цяньцзе уже мало походила на человека. Она лишь глухо рыдала, скорчившись на земле.

— Младшая старшая сестра? — Жуцзин не верил своим глазам. Острая боль пронзила его сердце. Он бросился к ней, пытаясь влить в её рот драгоценные пилюли, одну за другой направляя в её тело потоки истинной юань, но они исчезали в ней, как в бездонной пропасти. — Младшая старшая сестра, держись! Я уже послал весть главе и старейшинам, они скоро будут! Тебя обязательно вылечат!

Но женщина, некогда бывшая само совершенство, будто не слышала его. Она смеялась и плакала одновременно, шепча едва слышно:

— Забирайте и мою жизнь... я только хочу, чтобы он снова нёс меня на спине... как в тот год, когда он вытащил меня из лап врага... как спасал, как оберегал, как падал, но закрывал собой...

В это мгновение Цзян Жуцзина будто ударило молнией.

Тот заклинатель, что спас её из секты Моинь, тот, кто нёс её на себе через горы и реки, умирая от ран, был вовсе не демон...

Он опустил взгляд. Женщина закрыла глаза и ушла навсегда, заливаясь слезами.

— Цзян, отдай мне фонарь. Прошу тебя.

Лицо Гу Фэя, полное отчаянной мольбы, наложилось на образ той прекрасной заклинательницы. Пальцы Цзян Жуцзина дрогнули, он нервно, почти безумно усмехнулся.

— Хе... хе-хе... Что? Фонарь? Отдать его тебе?

Гу Фэй беззвучно шевельнул губами.

Цзян Жуцзин мгновенно стал холоден. Он рявкнул:

— Ты всерьёз решил пробиться в чемпионы с помощью этой чертовщины?!

Услышав этот окрик, Гу Фэй отбросил всякую гордость. Он попытался поднять бессильную руку, затем перевёл взгляд на электронные часы на подоконнике. Он произнёс пугающе спокойно:

— Ты и сам видишь. Завтра — Битва двух островов. Без этой «чертовщины» я не смогу даже палец согнуть, не то что поднять руку.

— Этот фонарь не просто заберёт твою силу. Он тебя сожрёт! Ты думаешь, я сказки тебе рассказываю?!

— Тогда тебе не стоило показывать его мне с самого начала.

Удар в цель. Цзян Жуцзин осёкся, не находя слов.

«Как может человек быть настолько бесстыдным? Не желает полагаться на собственный труд и упорство, а цепляется за опасную лазейку».

«Как может он быть таким жадным? Ему всегда мало, он всегда хочет больше, выше, лучше».

«И как, чёрт возьми, его понять?» Ради своей мечты и смысла своего существования он готов нанести врагу тысячу ударов, даже если сам получит восемьсот. Его пот, его мучения, его несгибаемая воля — всё это было настоящим. Как и его подлость, и его жадность. Это было отвратительно и нелепо одновременно.

Жуцзин чувствовал разочарование, смешанное с чем-то, чему не было названия.

Он вытащил Фонарь желаний и швырнул его Гу Фэю. И добавил всего одну фразу:

— Больше я ничему не буду тебя учить. С этим фонарём тебе учитель не нужен.

Он развернулся, чтобы уйти, но в дверях на мгновение замер.

— Это я дал тебе фонарь, и я за это в ответе.

— Я не дам тебе сдохнуть.

«Я сам вложил нож в твои руки».

«Я сам показал тебе призрачную надежду».

«А значит, я стал соучастником».

«Это наша с тобой карма».

Гу Фэй прижал фонарь к груди, глядя на его основание пустым взглядом.

Он вспомнил, как однажды Цзян Жуцзин спросил его: есть ли у него причина, по которой он ни за что не может проиграть?

Тогда ему хотелось закричать, выплеснуть всё, что было на душе, но он отступил под безразличным взглядом собеседника.

Он вспомнил боль в сердце каждый раз, когда его вбивали в землю. Вспомнил, как никто и никогда не принимал его всерьёз, как бы яростно он ни рвался вперёд. Его вера питалась четырьмя словами: «Придёт мой день».

И эта вера рождалась из его безумной любви к боевым искусствам. Каждый удар, каждый шаг, каждая капля пота были жертвами на алтаре этой страсти. В его жилах текла не просто кровь — там пульсировала жажда битвы.

Он был фанатично предан бою. Он имел полное право стоять на величайшей арене мира, реветь о своих желаниях и заставлять других дрожать от страха.

На арене победа — это всё. Только победитель получает право идти дальше. А значит, нужно побеждать всегда!

Он слишком сильно любил этот мир крови и пота. Поэтому он не мог проиграть. Он просто не имел на это права.

Вся его жизнь была написана иероглифами «Боевые искусства». Он хотел сражаться до последнего вдоха, хотел стать самой яркой звездой в этом небе.

Ради чести. И ради любви.

Не из-за каких-то великих идеалов. Просто потому, что он любил это слишком сильно, чтобы уступить.

Но разве мог это понять Цзян Жуцзин, который всегда видел в нём лишь «дикаря»? Разве мог гордый и праведный меченосец осознать, каково это — ставить на кон всё ради того, что тебе

дороже жизни?

Гу Фэй не считал, что ошибся. Это не был ложный путь или кривая дорожка.

Это была сила, за которую он заплатил честную цену.

<http://bllate.org/book/17530/1702447>